

В. В. Огарков

В. А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Василий Огарков

**В. А. Жуковский. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Огарков В. В.

В. А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность
/ В. В. Огарков — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Ранние годы	6
Глава II. Благородный пансион, служба и литература	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В. В. Огарков
В. А. Жуковский. Его жизнь и
литературная деятельность
Биографический очерк
с портретом В. А. Жуковского,
гравированным в Лейпциге Геданом

Жуковский

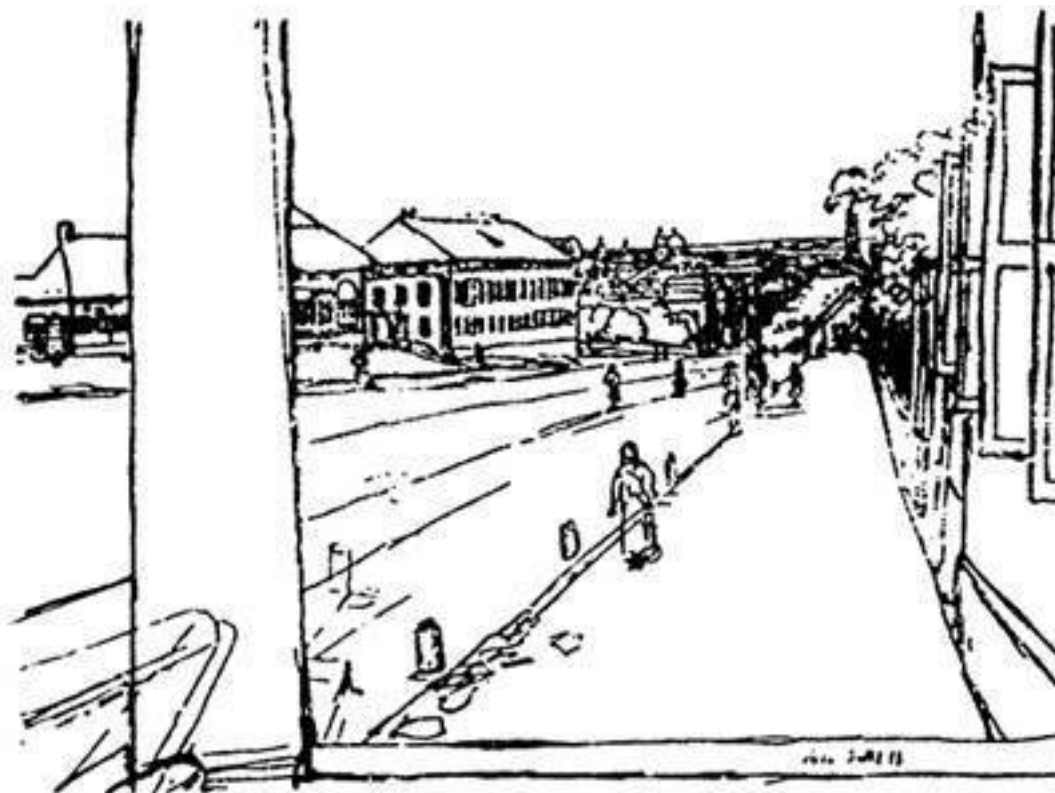
Глава I. Ранние годы

Светлая личность Жуковского. – Его рождение. – Турчанка Сальха и Бунин. – Раздор и примирение Буниных. – Васенька – любимец семьи. – Помещичья жизнь в прошлом. – Феодалы и вассалы. – Обстановка, окружавшая Жуковского в детстве. – «Родимые поля». – Среди женщин и девочек. – Молодое и восторженное общество Мишенского. – Первые опыты учения. – «Вральман». – Пансион Роде. – Народное училище. – Дом Юшковых в Туле. – Первый опыт в драматургии. – Симпатичная наружность поэта. – Его военные похождения. – Поездка в Петербург. – Зимний дворец. – Жуковского определяют в Благородный пансион в Москву

Есть такие имена в литературе, которые, сияя кротким лучезарным светом, привлекают к себе всех и редко в ком способны возбуждать отрицательные чувства. Чем-то мирным, поэтическим веет от носителей этих имен; при воспоминании о них смолкает злоба и верится в добро, счастье и красоту.

Одно из таких симпатичных имен в русской литературе – Жуковский, милый «певец „Светланы“», автор первых романтических баллад на Руси, светлые поэтические мечтания которого будили столько чистых грез в юношеских сердцах и жизнь которого, несмотря на окружавшие его могучие искушения, была так же прозрачно-чиста, как и его задушевные элегии. Если с именем Лермонтова соединяется представление о бурной, неудовлетворенной мысли, изливавшейся в грозных упреках судьбе и людям, в „стихе, облитом горечью и злостью“, то, наоборот, лира Жуковского звучит кроткими, незлобивыми звуками, мирной, уравновешанной любовью к людям и природе. Если и слышится в звуках этой лиры скорбь, то скорбь не титаническая и бурная, а такая же тихая и меланхолическая, как звуки „эоловой арфы“, воспетой поэтом. В его поэзии нет ни гордых вызовов небу, ни ядовитых проклятий истории: поэт со страниц своих произведений смотрит на нас с кроткой улыбкой. И вы, познакомившись с искренностью певца, чувствуете невольную симпатию к нему за то, что его „сладкие звуки и молитвы“ раздавались в тяжелую пору русской истории, умиляя сердца и возбуждая гуманные чувства тогда, когда кругом все было грубо и сострадание в людях дремало.

Василий Андреевич Жуковский был сыном помещика Афанасия Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой в плен при штурме крепости Бендеры. Поэт родился 29 января 1783 года в селе Мишенском, в Тульской губернии, в трех верстах от города Белева. Восприемником его был дворянин Андрей Григорьевич Жуковский, живший у богатого Бунина. Он усыновил ребенка и дал ему свое имя.

Тула. Рисунок В.А. Жуковского

Читатель будет прав, если в рассказанном увидит не совсем благоприятное обстоятельство для душевного настроения поэта, и не будет большой ошибкой предположить, что многие элегические ноты поэзии Жуковского обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней в доме, ставшем сыну родным. И та глубокая потребность ласковых, задушевных отношений, жившая всю жизнь в сердце поэта, – потребность, выражением которой служили его искренние и трогательные стихотворения, – являлась естественным следствием того, что в нежном детском возрасте, когда душа просит материнской ласки, свободные проявления сыновнего чувства были стеснены.

Кроме того обстоятельства, что мать Жуковского, пленная турчанка, была рабыней и в присутствии «господ», к числу которых относился и ее собственный сын, не смела садиться, все, казалось, сложилось хорошо для будущего поэта в ранние годы его жизни. Бунин, по рассказам знавших его, был добрый и хороший человек. Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова, кроткая и умная женщина, являлась в окружавшей ее среде сравнительно развитым человеком, что доказывается и тем образованием, которое она сумела дать, несмотря на невыгодные для этого тогдашние условия, своим дочерям и Жуковскому. Сам Бунин, очевидно, тоже не был из породы Митрофанушек – весьма распространенного типа того времени. Достаточно сказать, что единственный горячо любимый сын Буниных учился в университете в Лейпциге, где и умер в 1781 году. Потеря любимого сына, при отсутствии надежды иметь наследника в будущем, явилась причиной того, что Марья Григорьевна привязалась к чужому ей мальчику и перенесла на него те ласки, которые доставались прежде ее собственному сыну.

О появлении Сальхи в доме помещика Бунина существует следующий рассказ. Во время румянцевских походов против турок на войну отправлялись как мещане города

Белева, так и крестьяне из вотчин Бунина. Старик сказал в шутку пришедшим к нему проститься перед отправлением на войну крепостным:

– Привезите мне хорошенькую турчанку: жена моя совсем состарилась!

Это было принято всерьез, и к барину привезли двух турчанок, родных сестер, попавших в плен при взятии крепости Бендеры. Муж молоденькой Сальхи был убит при штурме, а сестра ее Фатима умерла вскоре по прибытии в Мишенское. Красивую и ловкую Сальху определили няней к маленьким дочерям Бунина, Варваре и Екатерине, которые и учили ее говорить по-русски.

Хотя жены помещиков привыкали к вольностям своих мужей по части женщин и должны были зачастую безропотно сносить существование при своих властелинах целых гаремов, но все-таки появление в Мишенском хорошенькой турчанки и несомненное расположение, оказываемое ей Афанасием Ивановичем, внесло раздор между супругами, так что старику Бунину пришлось поселиться в соседнем флигеле, где жила Сальха и куда был запрещен вход молодым девицам, дочерям Марьи Григорьевны. Но к чести последней нужно сказать, что она скоро сменила гнев на милость, и когда родился у Сальхи мальчик – будущий поэт, Марья Григорьевна, потерявшая своего единственного сына, привязалась к ребенку. Крестной матерью родившегося была дочь Бунина, впоследствии вышедшая замуж за Юшкова, Варвара Афанасьевна. С дочерьми ее у поэта всю его жизнь существовали близкие дружеские отношения.

Старики помирились. Их, вероятно, снова сблизило появление в доме этого ребенка, на котором они сосредоточили свои ласки и заботы. Маленький Васенька сделался любимцем семьи: его окружили целым штатом прислуги, он стал «господское дитя», в силу уже этого отгороженное стеною даже от своей матери, которая только урывками могла дарить ему свои ласки. Патриархальные нравы не исключали возможности подобных жестких явлений: слишком сильны были кастовые различия, чтобы даже во имя гуманности можно было забыть о них окончательно. В таких отношениях выражалось (в более, конечно, слабой степени) то же самое чувство, которое проявлялось у браминов, предпочитавших смерть «нечестивому» прикосновению к парию.

Немало было привлекательного и поэтичного в старинной помещичьей жизни, в особенности с точки зрения лиц, принадлежавших к этому привилегированному барскому кругу. Самый уже контраст между феодалом-помещиком и покорными ему вассалами-крепостными, которых он был безграничным властелином, представляется интересным и способствовавшим проявлению так называемых «рыцарских чувств» со стороны феодалов. Не всегда, разумеется, видели в таком порядке отраду вассалы; но нельзя отрицать и того, что в частных случаях общий фон картины значительно скрашивали патриархальные отношения между помещиком и крепостными. Со стороны барина эта патриархальность не исключала, однако, возможности применения отеческих мер, а со стороны холопов – примерной преданности и благодарности. Эта преданность являлась весьма естественным последствием той вековой дрессировки, которой подвергалась крестьянская масса и которая порождала явления, вызвавшие горькие слова покойного поэта «мести и печали»:

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание, —
Тем им милей господа...

Все эти условия помещичьей жизни были налицо и в истории нашего поэта, но в более смягченной форме. Его раннее детство прошло в богатом, огромном барском доме с толпой прислуги и челяди. Были тут и терпеливые няни, вроде знаменитой няни Пушкина, способ-

ные положить душу и жизнь свою за питомцев; были и бесшабашные дворовые «лодыри»... Огромный сад шумел своими вековыми деревьями, и, может быть, там, в тени его, неясно созревали те поэтические вдохновения мальчика, которые потом вылились в чудесных стихах. В саду были садки, пруды, оранжереи, теплицы; невдалеке росла дубовая роща, по долине бежал ручеек, из дома и сада виднелись луга и нивы, село с церковью, — манили просторные дали... В этой обстановке проходило детство поэта, и впечатлительный мальчик сохранил в душе на всю жизнь воспоминание о колыбели своего детства — взлелеявшей его родине... Кто не помнит этой трогательной дани «родимым полям» хотя бы в следующих стихах:

...Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки, —
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая, —
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Перебирая все те условия, которые с детства питали музу Жуковского и забрасывали в его душу поэтические семена, давшие впоследствии обильную жатву, нужно остановиться на следующем обстоятельстве. Все детство, отрочество и юность поэт провел среди девочек, со многими из которых у него на всю жизнь сохранились душевные отношения. Это были его племянницы, дети дочерей Марьи Григорьевны. Особенно Жуковский был дружен с девочками Юшковыми, из которых одна — впоследствии Анна Петровна Зонтаг — стала известной писательницей. Несколько позже особенная дружба связывала его с Марьей Андреевной Протасовой, к которой поэт питал восторженную привязанность; но роман с нею был неудачен, и это наложило несколько новых элегических штрихов на поэзию Жуковского. Окруженный этими Друзьями, из которых некоторые отличались чуткостью и восторженностью, убаюкиваемый их нежными заботами и попечениями, поэт рано взрастил в себе то отчасти сентиментально-платоническое уважение к женщине, которое было так свойственно и многим героям его баллад и элегий. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторией поэта: ей он поверял свои вдохновения, ее одобрение служило для него критической меркой, а восторг, с которым встречались ему творения юноши, — наградой. Вся эта ватага молодежи бегала по саду, полям и лугам; среди помянутого общества в разнообразных и живых играх невольно возбуждалось воображение, совершался обмен мыслей и укреплялись симпатичные связи. Стоит прочесть письма поэта к ставшим взрослыми членам этого детского кружка, — письма, исполненные нежной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то трогательной скромности, — чтоб видеть, насколько сильны у него были связи с друзьями детства, а также и чистую, голубиную душу поэта. Укажем здесь кстати и на то, что упомянутый выше девственный ареопаг с ранних лет направлял Жуковского на путь девственной, целомудренной лирики.

К шестилетнему Васеньке Афанасий Иванович выписал из Москвы «немца», которого вместе с воспитанником поместили во флигеле. Но этот первый опыт учения окончился неудачно. Немец оказался из породы вральманов и считал главными педагогическими пособиями розги, практикуя, кроме того, над воспитанником порою и тяжелую пытку, весьма, впрочем, употребительную в учебном обиходе прошлого: ставил питомца голыми коленями на горох. Но любимец всего дома поднимал страшный крик при применениях этого воспи-

тательного артикула, и «вральмана» быстро убрали. Опыты крестного отца, Андрея Григорьевича, по части привития мальчику учености тоже были не особенно удачны: Васенька вместо букв рисовал грифелем на доске, а также и мелом на полу и стенах разные фигуры и «рожи». Мы упоминаем об этом обстоятельстве с целью указать, что еще в раннем детстве Жуковский обнаружил талант к живописи и впоследствии, как известно, недурно рисовал; его акварели, а также и картины, писанные масляными красками, хранятся у его родственников и друзей.

С этими детскими рисовальными упражнениями поэта связан случай, о котором считаем нелишним упомянуть, так как Васенька в нем явился героем, переполошившим всю девичью; этот эпизод, с другой стороны, указывает на религиозность того общества, где провел юношеские годы поэт, что, в свою очередь может служить объяснением искренней религиозности самого Жуковского, не оставлявшей его всю жизнь. Раз пятилетний Васенька, оставшись в девичьей один и усевшись на полу, принялся срисовывать образ Божьей Матери. Никто этого не видал, а сам рисовальщик, сделав рисунок, пошел к Марье Григорьевне. Возвратившиеся служанки с испугом и благоговением смотрели на изображение иконы. Они побежали к барыне и объявили о чуде. Однако Марья Григорьевна, увидев запачканные мелом руки Васеньки, догадалась, в чем дело, и разрушила иллюзию чудесного.

К этому времени Бунины переселились в Тулу. Там мальчика стали посылать в пансион Роде, а на дом взяли ему репетитора. Однако занятия шли не особенно успешно. Вскоре отец Жуковского скончался (в марте 1791 года), поручив сына заботам жены, которая свято сдержала данное мужу обещание. Считаем нелишним отметить гуманное и честное отношение Марьи Григорьевны к питомцу и его матери-турчанке, что указывает на Бунину как на добрую и симпатичную женщину. Из доставшихся дочерям Марьи Григорьевны средств она отделила у каждой по 2500 рублей, и эти деньги составили капитал Жуковского.

Осенью этого же 1791 года мальчик поступил к Роде полным пансионером, но это его не отрывало от семейного кружка, к которому он привязался: мальчика часто брали домой, а весною все переезжали в деревню, где оставались до осени, наслаждаясь вволю деревенским раздольем.

После пансиона Роде Жуковский учился в народном училище, где, однако, тоже не особенно отличался и откуда был даже исключен за «неспособность». Замечательно, что многие наши писатели, прославившиеся впоследствии как оригинальные мыслители и художники, оказывались, по мнению педагогов, «неспособными» в школе. Вероятно, в этом сказывалось отсутствие интересного в преподававшихся науках, не укладывавшихся в живые души воспитанников, а с другой стороны, – и неспособность педагогов подметить дарования в учениках.

Французским и немецким языками Жуковский занимался Дома, вместе со своими родственницами. Тут и было положено основание тому прекрасному знанию языков, которым впоследствии отличался поэт и которое дало начало его литературной известности.

Дом Юшковых, где жил в отроческие годы Жуковский, считался одним из интеллигентных домов в Туле. Сама Варвара Афанасьевна Юшкова, по отзыву в «Записках» Болотова, была «боярыня молодая, очень умная, любопытная и ласковая». Отличаясь музыкальными дарованиями, она устраивала у себя литературно-музыкальные вечера, где собиралось большое общество; здесь пелись новейшие романсы, читались только что появившиеся произведения тогдешней, правда, убогой, русской литературы и игрались спектакли. Здесь-то, в обстановке, способствовавшей раннему умственному развитию, возникли впервые в душе Жуковского те художественные стремления, которые были так естественны для его изящной натуры. Здесь, в доме своей крестной матери, поэт в 12-летнем возрасте выступает уже в качестве драматурга. Он написал пьесу «Камилл, или Освобождение Рима», где взял себе главную роль. Эта пьеса была приготовлена к приезду его приемной матери, Марьи Григо-

рьевны, которая осталась очень довольна выдумкой мальчика. Жуковский удостоился шумного одобрения. В указанном обстоятельстве можно было уже до известной степени видеть предзнаменование дальнейших успехов поэта на литературном поприще.

Самая наружность Жуковского в детстве тоже обещала в нем незаурядного человека. По рассказам знавших его, он был мальчик ловкий и стройный. Из-под черных ресниц блистали умом большие карие глаза, черные брови резко выделялись под большим лбом. Густые, длинные черные волосы вились по плечам. Приятная улыбка, оживленное румянцем лицо, какая-то особенная мечтательность во взгляде – все это вместе с симпатичным и добродушным характером привлекало к мальчику. Нужно заметить, что все эти качества и впоследствии действовали притягательно на знавших поэта.

Как многие дворяне того времени, Жуковский был приобщен и к военному делу. Еще ребенком он был записан в гусарский полк сержантом, а в 1789 году произведен в прапорщики и даже принят (конечно, на бумаге) в штат генерала Кречетникова младшим адъютантом, что являлось весьма быстрой карьерой для Жуковского, которого, впрочем, вскоре отставили от службы «по прошению», «без награждения чином». Такой странный послужной список миролюбивого поэта не должен удивлять нас по отношению к обильному всякими чудесами тогдашнему времени. Тогда было привилегией дворян записываться в военную службу и повышаться в чинах, иногда до довольно высоких рангов, мирно качаясь в люльке или играя в лошадки под присмотром нянек в детской.

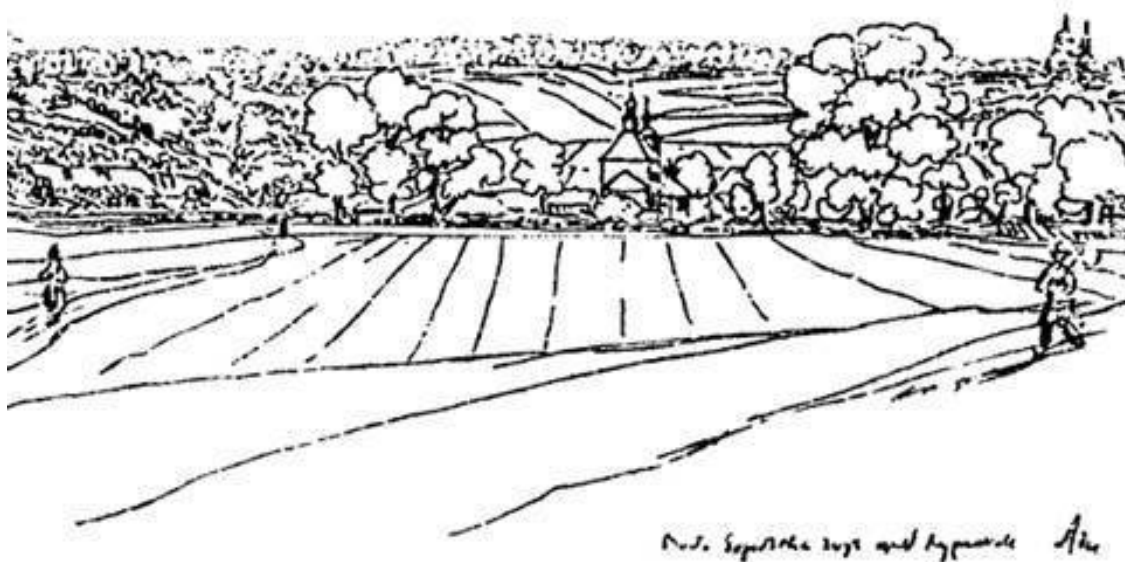
Неудачное учение Жуковского, а также и традиции того времени, считавшие военную службу самой почетной для представителей высшего сословия, заставили родных Жуковского вновь подумать о его уже действительном определении в какой-нибудь полк. В этом взялся помочь знакомый родственников поэта майор Постников. Мальчика одели в мундир и отправили с майором в Петербург. Здесь поэт стал свидетелем зрелища, воспоминание о котором надолго удержалось в его памяти. Ему достали в Зимнем дворце, на хорах, во время большого выхода место, откуда он в первый и последний раз в жизни увидел императрицу Екатерину II и ее блестящий двор. Может быть, к этому моменту, поразившему живое воображение мальчика, относятся строфы из известного стихотворения «Царскосельский лебедь», в котором поэт изображает как бы себя:

Но не сетуй, старец, пращур Лебединый,
Ты родился в славный век Екатерины!

Но Жуковскому не пришлось быть военным на этот раз: воцарившийся вскоре Павел I, как известно, отменил прием в войска малолетних. Мальчик пробыл с Постниковым в Кексгольме, среди военных, два месяца и затем вернулся в Тулу. Все-таки за время этой поездки с майором ему привелось наблюдать несколько любопытных военных эпизодов; так, он видел «бога войны» Суворова, которого встречали пушечной пальбой с бастионов крепости.

Наконец после этого неудачного опыта попасть в военные, – совсем неподходящее назначение для мирного любимца «муз и граций», – Жуковского определили в 1797 году в Москву, в Благородный университетский пансион, бывший привилегированным заведением для тех дворян, которые не считали образование лишним бременем для представителей высшего сословия. Это заведение при старейшем русском университете дало, как известно, для того бедного образованными людьми времени более или менее известных деятелей. В жизни Жуковского оно имело важное значение. Вопросы, таившиеся в талантливой натуре отрока, могли найти здесь, при общении с товарищами, при слушании курса наук, среди интеллигентного общества, желаемые ответы. С этим поступлением в Благородный пансион началась новая полоса в жизни поэта. Но эта новая полоса не изгладила в душе старых впе-

чатлений. Ранний период жизни Жуковского, среди раздолья природы, среди милых сердцу детей, «златые игры» с которыми, при свойственной мальчику мягкости и сердечности, – были так ему дороги и светлое воспоминание о которых сохранилось на всю жизнь, – оставил неизгладимые черты в душе поэта. Того, что пленило его сердце и с чем оно сжилось как с родным и необходимым, не могла заглушить более живая умственная жизнь, в которую поэт окунулся в Москве. В этом прошлом все было дорого: «холмы, поля родные», милые товарищи «златых игр» и даже минувшие печали, светлая меланхолия которых сквозит в прекрасных песнях Жуковского и при воспоминании о которых так томительно-сладостно сжималось его сердце... И мы не даром видим, что всю последующую жизнь поэта мечта его во многих произведениях летит к этому прекрасному минувшему, к очаровательному прежде... Во многих письмах Жуковского к товарищам ушедших дней звучат захватывающая искренность и любовь к былому, ясно указывающие, как дорога была поэту пролетевшая дивным сном ранняя пора жизни...

Воробьевы горы. Рисунок В.А. Жуковский

Глава II. Благородный пансион, служба и литература

Обилие наук в пансионе. – Сушь и схоластика преподавания. – «Собрание воспитанников пансиона». – Организация заседаний и предметы занятий. – Задатки религиозности у Жуковского. – Семья Тургеневых. – Первые печатные опыты. – Знание языков. – Заработок переводами. – Служба в соляной конторе. – Выход в отставку и жизнь в Мишенском. – Заботы о самообразовании. – Русская литература того времени. – «Девственный ареопаг» Мишенского. – «Сельское кладбище». – «Парнас» и «Зевс». – Успех «Сельского кладбища». – Субъективное в поэзии Жуковского. – Семья Протасовых. – Белев и занятия с Протасовыми. – Завязка печального романа. – Мерзляков. – Карамзин. – Приглашение Жуковского редактором «Вестника Европы»

В Благородном университетском пансионе, куда поступил Жуковский, преподавалось бесчисленное количество всевозможных наук; в программу входили даже такие предметы, как артиллерия, мифология и «сельское домоводство». Но, конечно, это обилие предметов делало только то, что воспитанники большей частью ничего не знали, и наш величайший поэт имел полное право сказать про тогдашнее учение:

Мы все учились понемногу —
Чему-нибудь и как-нибудь...

Когда знакомишься с широчайшей программой Благородного пансиона, то невольно думаешь о том переменчивом состоянии, в котором у нас обреталось просвещение в прежнее время; иногда мы видим обилие предметов даже там, где этого, имея в виду известные цели заведения, совсем не было нужно; но вдруг, стоило только появиться в качестве заправил дела лицам вроде Бунича и Магницкого, преподавание многих необходимых и притом даже скромных наук начинало считаться «богомерзким», а философия и право объявлялись явно подрывающими всякие основы общества.

Конечно, Жуковский не мог обнять в пансионе всей бездны премудрости, а в особенности — наук математических, которые не давались ему еще в Туле. Он предпочел углубиться в словесность. Так как сестра Жуковского Юшкова была знакома с Тургеневым, директором университета, то поэт получил доступ в дом Тургеневых, был другом этой замечательной семьи и товарищем по пансиону Андрея и Александра Ивановича Тургеневых. Кроме них приятелями его состояли еще граф Блудов, Дашков, Уваров и другие, впоследствии известные общественные деятели и сочлены «Арзамаса».

Сушь и схоластика преподавания не могли, конечно, удовлетворить мечтательной натуры Жуковского, уже на заре юности порывавшегося в мир живых грез и идеалов, как не удовлетворялись этой казенной наукой и многие товарищи поэта. Не могли не видеть неудовлетворительности постановки учебного дела и наиболее добросовестные из руководителей Благородного пансиона, к числу которых принадлежал заведовавший заведением во время пребывания там Жуковского Прокопович-Антонский. Чтобы сделать более осмысленными занятия с учениками, в среде их было основано литературное общество, или «собрание вос-

питанников университетского Благородного пансиона». Были организованы заседания, происходили споры, продолжавшиеся за поздним ужином и переносившиеся даже в спальни воспитанников.

Жуковский вскоре стал выделяться среди своих сверстников как на этих собраниях, так и на актах, где воспитанники читали речи и стихотворения. Стихи писались, как это часто практиковалось в то время господства сентиментализма и псевдоклассицизма, на высокопарные и возвышенные темы вроде следующей: «Ода на благоденствие». Из данных акта 1798 года видно, что Жуковский считался из «первых воспитанников-директоров концертов и других забав»; он вместе с Сергеем Костомаровым большинством голосов всех питомцев был признан «лучшим в учении и поведении».

В собраниях читались речи, производился критический разбор сочинений учеников и переводов. Часы досуга, а также и часть классных занятий посвящались приготовлениям к собраниям. Молодые самолюбия возбуждались, воображение и ум работали, чтоб отличаться на этих сборищах, успех на которых определял значение учеников в заведении.

Жуковский был первым председателем собрания из воспитанников. Он открыл его речью при многочисленных слушателях. В числе последних бывали и титулованные знаменитости, заезжали известный И.И. Дмитриев и Карамзин.

Дмитриев обратил особенное внимание на молодого поэта, пригласил его к себе, узнал и полюбил, хотя и не пропускал недостатков произведений юноши без строгих замечаний; Жуковский с «задумчивым безмолвным умилением» их выслушивал, а про Дмитриева говорил, что тот «сорвал перед ним покров поэзии».

Из одного случайно сохранившегося протокола упомянутых собраний видно, какие разнообразны происходили на них занятия. Так, председатель Жуковский открыл заседание речью: «О начале общества, распространении просвещения и об обязанностях каждого человека относительно к обществу». Читаны были стихи и переводы участников; Тургенев декламировал стихи Державина; Жуковский прочел критические замечания на сочинение одного из воспитанников: «Нечто о душе». Нужно заметить еще, что в пансионе нередко устраивались и драматические представления. Так, давались, например, «Разбойники».

Эти публичные споры и обсуждения разнообразных предметов, где невольно изошрялась наблюдательность, вырабатывалось красноречие, ум обогащался сведениями, должны были иметь благотворное влияние на воспитанников, в том числе и на Жуковского. Они дали несомненный толчок той творческой силе, которая еще с детства таилась в душе поэта и ждала только подходящих условий, чтобы широко излиться в его произведениях.

С другой стороны, нужно сказать, что обстановка в пансионе могла лишь укоренить те религиозные меланхолические задатки, которые жили еще с детских лет в душе Жуковского и которые потом выразились в крайнем пиетизме и в таких взглядах на общественные и исторические явления, которые заключали в себе очень мало прогрессивного.

Мы видели, что Жуковский рос в религиозной семье, где соблюдение обрядов считалось безусловно необходимой обязанностью. Ребенком он часто ходил в церковь, слушал там певчих, целовал образа и херувима на царских вратах. Его душу, склонную от природы к умирительным созерцаниям, настраивали на религиозный лад те поминальные службы по его отцу, которые справлялись целый год в их сельском храме. Особенность его положения в семье Буниных, где он все-таки был «приемыш», тоже давала пищу для меланхолических размышлений, естественным переходом для которых является религиозное настроение и обращение опечаленной души к Высшему Существо, способному устроить «все к лучшему». В этих далеких, но могучих впечатлениях детства, резкими чертами запечатлевшихся в сердце, можно найти немало причин тех мистических и сентиментальных произведений, которыми изобилвала поэзия Жуковского.

Пребывание в пансионе не могло особенно ослабить первоначального настроения. Разлука с «милыми холмами» настраивала на печальный лад. В Московском университете еще действовали члены «дружеского общества»: поэт был в тесной дружбе с домом Тургеневых, знаком с Лопухиным и Карамзиным; многие из близких ему были масоны; к числу последних принадлежал и Прокопович-Антонский, наставник Жуковского, до конца жизни не оставивший знаменательной привычки, пожимая руки встречаемых, выщупывать от них безмолвный масонский ответ. Влияние этих людей, мистиков и пиетистов, падало на достаточно подготовленную почву. Также и иностранная литература, с которой теперь начал обстоятельно знакомиться поэт, в очень многих произведениях являлась сентиментальной и мистической, и муза Жуковского черпала оттуда полным ковшом родственные душе поэта мотивы.

Как известно, в общественных условиях той эпохи было достаточно причин, способствовавших мистицизму и пиетизму. Разочаровавшись в прелестях окружающей жизни, видя кругом себя немало тяжелых сцен, люди невольно отдавались туманным абстракциям или религиозности, чтоб забыться от земной юдоли там, в мистической области, «горé»¹. ... Было мрачное царствование Павла I. Россию усиленно ограждали от «тлетворного Запада, от чего бы то ни было, напоминавшего прогресс, развитие и проч. Эти слова считались страшнее жупела. Не разрешались круглые шляпы, цветные галстуки, из русского языка изъяли множество слов, и употребление их грозило наказанием провинившемуся. Ввоз иностранных книг и держание их книгопродавцами запрещались. Люди „посократились“, попрятались; в Москве зорко следил за обывателями строгий обер-полицмейстер Эртель. При таких условиях только и возможно было писать „Оды добродетели“ и „Мысли на кладбище“: для живого мало оставалось места в жизни.

Но невыгодные условия, в которых тогда находились привоз и продажа иностранных книг на родине, до известной степени помогли Жуковскому на его жизненном пути. Эти условия позволили ему утилизировать приобретенное в пансионе знание иностранных языков. Потребность в чтении в обществе чувствовалась, хотя и небольшая, и существовал спрос на иностранных авторов; но держать их сочинения, как мы сказали, книгопродавцам не позволялось. Отсюда явилась необходимость переводов, что позволило Жуковскому и иметь заработок, и увериться в своих силах, – обстоятельство, весьма благоприятное для дальнейшей деятельности.

Первые печатные опыты Жуковского на литературном поприще относятся к начальному году его пребывания в пансионе. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» была напечатана его статья в прозе «Мысли у могилы» с подписью: «Сочинил Благородного университетского пансиона воспитанник Василий Жуковский...» Не правда ли, каким архаизмом веет от этих пространств заглавий и подписей, которыми так отличались произведения тогдашнего времени?

Второе печатное произведение поэта было в стихах: «Майское утро». До 1801 года напечатан был ряд его статей и стихов, в том числе стихотворение «Платону неподражаемому, достойно славящему Господа».

Все эти произведения, хотя в них и обнаружились уже зачатки тех поэтических мыслей, которые впоследствии с большим изяществом и стройностью формы высказывал Жуковский, были тяжеловесны, стих в них неуклюж, обороты казенные, и вообще все это мало напоминает того поэта, про «пленительную сладость стихов» которого говорит Пушкин.

Знание языков помогло Жуковскому пополнять свои скудные карманные деньги. В 1801 году он перевел роман Коцебу «Мальчик у ручья». Книгопродавец заплатил за него 75 рублей, что представляло солидный гонорар для того времени. Кроме этого, поэт переводил романы Шписа и пьесы Коцебу. Уезжая на летние вакации в «милое» Мишенское, Жуковский

¹ на горе, высоко, вверху, в вышине, в выси (Словарь В. Даля).

возил туда свои труды, и благосклонный ареопаг его слушательниц, приходивший в восторг от произведений друга «златых лет» юности, поддерживал и поощрял поэта к дальнейшей деятельности. Как мы раньше сказали, Жуковский привык отдавать свои произведения на суд этого ареопага с самого начала своего поэтического творчества.

Служба, как известно, являлась фатальным уделом для многих знаменитых деятелей русской литературы. И судьба как нарочно давала очень странные занятия нашим излюбленным писателям. Гоголя она определила в департамент – подшивать бумаги, причем искусившийся в этом деле «чинуша» третирует автора «Мертвых душ» как совершенно «пустякового» человека, неспособного даже подшить бумаги. На Пушкина судьба напаяли камер-юнкерский мундир, в котором так неловко себя чувствовал великий поэт. Одинаково странным должно показаться нам и то обстоятельство, что Жуковский по окончании студенческого экзамена определился на службу в московскую контору соляных дел. Он впоследствии сам потешался над своей должностью, и мы лишь с трудом можем себе представить целомудренно-девственного поэта, меланхолического певца «дубрав и полей» среди «приказных строк», которыми кишели тогдашние служебные места.

Но служба, конечно, не могла удовлетворить поэта, и уже в 1802 году он вышел в отставку и в апреле возвратился в Мишенское.

Здесь Жуковский вступает в новую фазу своей жизни: он посвящает много времени самообразованию, приготавливаясь к тому литературному служению, о котором не переставал мечтать. Приобретенная им в Москве библиотека была очень полезна для него. В списке его книг встречается, кроме французской энциклопедии Дидро, масса произведений французских, немецких и английских авторов. Жуковский был несомненно человек начитанный и образованный. Чтобы убедиться в этом, стоит, например, заглянуть хотя бы в недавно напечатанные «Записки» Смирновой; в ее салоне, где собирался цвет тогдашней литературы, дебатировались всевозможные вопросы, начиная от «тайн неба и земли» и кончая самыми запутанными историческими явлениями, причем и Жуковский выступал нередко в качестве оракула при разрешении возбужденных вопросов.

К периоду пребывания Жуковского в пансионе относится его знакомство с немецкой литературой и сильное увлечение ею. Мы позже скажем о произведениях Жуковского и его значении как поэта. Здесь же укажем лишь на то, что первые толчки к ознакомлению его с литературой немецкой дал Андрей Иванович Тургенев, страстно любивший Шиллера и Гете. «Это было чистое, исполненное любви к прекрасному сердце – душа всех радостей нашего кружка», – так отзывался Жуковский об этом рано умершем своем даровитом товарище. Вообще братья Тургеневы слыли «записными немцами».

Русская литература того времени, когда выступал Жуковский, поражала своей скудостью и незначительностью. Малокультурное русское общество, отсутствие мало-мальски обширного круга читателей, политические и общественные условия – все это, конечно, не способствовало расцвету мысли и появлению талантов. И русская литература по преимуществу питалась крупичками, падавшими с роскошного стола более культурных народов: она шла на буксире европейской мысли, усваивая, впрочем, часто в ней самое поверхностное, а нередко и извращая ее духовное содержание применительно к жизни тогдашнего полуазиатского русского общества. Ко времени появления Жуковского, как известно, наша литература (если только можно назвать этим именем тогдашнее ничтожное количество печатных памятников мысли) пережевывала главным образом псевдоклассическую жвачку, заимствованную с Запада. Эта литература, не имевшая никакого отношения к действительной жизни, трескучая и фальшивая, становилась невыносимо скучной в своих русских подражаниях. Европа уже пресытилась этой неудобоваримой пищей, но мы еще продолжали питаться ею: как известно, мы всегда запаздывали перенимать от Запада и обыкновенно брали к себе уже то, что в Европе было давно забраковано.

Жуковский, даже в обществе Тургеневых и Карамзина, в отношении знакомства с литературой Запада был одним из передовых людей. Скучность мотивов русской поэзии и отсутствие содержания в русской общественной жизни невольно заставляли обращать внимание на литературное богатство Европы. И немудрено, что при тех условиях, в которых воспитывался Жуковский, и при действовавших на него влияниях он остановился на сентиментальных произведениях.

Первой вещью, прославившей имя поэта и сделавшей его известным, был перевод меланхолической элегии Грея «Сельское кладбище». Довольно странное зрелище представляет Жуковский, веселый, юмористичный и добродушный, по всеобщим отзывам, и, однако, в свою раннюю пору останавливающийся с таким упорством на мыслях «о смерти», кладбищах и «тщете всего земного». Но, как мы уже ранее видели, в душе поэта много задатков для такого рода поэтических излияний.

Мишенское «девственное общество» с восторгом отнеслось к этому произведению, написанному на его глазах и сперва, конечно, поднесенному на рассмотрение «ареопага». Пригорок, на котором поэт получал свои вдохновения, его сельские друзья называли «Парнасом». Следует отметить здесь, что псевдоклассическое и связанное с ним знакомство с мифологией считались в то время настолько модными, что употребление разных мифологических терминов было обычной принадлежностью современных писем и разговоров. Даже десятилетняя Авдотья Петровна Елагина в письмах называла Жуковского «Юпитер моего сердца», а Карамзина юная мишенская компания величала «Зевсом литературного Олимпа».

На суд к этому «Зевсу» была отослана элегия, и в Мишенском с сердечным трепетом ожидали приговора. «Зевс» похвалил стихи, и они были напечатаны в шестой книге «Вестника Европы» за 1802 год. Удача глубоко обрадовала поэта и была сильным импульсом для его дальнейшего литературного подвижничества.

По отзывам современников, это стихотворение имело большой успех и сразу поставило автора в разряд лучших поэтов родины. Действительно, нужно только знать тогдашние поэтические произведения, их сушь и фальшь, неуклюжесть формы, чтобы понять впечатление, произведенное «Сельским кладбищем». Красивые, звучные стихи, прекрасные описания природы и изображение различных состояний человеческой души вместе с лежавшим на всем произведении томным, мягким колоритом – все это должно было действовать умирительно на неизбалованное литературными перлами ухо читателей.

Следующие годы Жуковский проводил то в Мишенском, то в Кунцеве, близ Москвы, у Карамзина, который радушно принимал поэта. К этому же времени относится приобретение им многих знакомств, в том числе с Василием Ивановичем Киреевским, отцом известных славянофилов братьев Киреевских. Новый знакомый поэта был женат на подруге его юности, Авдотье Петровне Юшковой (впоследствии Елагиной). Мы не будем перечислять здесь произведений Жуковского, относящихся к этому периоду его жизни: произведения эти не обладают особыми достоинствами и прибавляют мало интересного к характеристике поэта-романтика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.